чтобы он служил современникам хроникой текущей петербургской жизни. Коль скоро, еще не приступая к изданию «бесовской переписки», Эмин знал содержание всех брошюр Ленобля и «Лорнетов» и затем в основном следовал им страница за страницею, то сатира, на них опирающаяся, мыслилась с самого начала как преимущественно по своему характеру обобщенная. Вооруженные накопленными за два с лишним столетия знаниями о XVIII в. и в то же время лавирующие между огромными пробелами в конкретном историко-бытовом материале, исследователи легко могут ошибиться и усмотреть намек там, где он не предполагался. Следует также иметь в виду, что подобным образом «заблуждаться» могли современники Эмина, принимая по каким-нибудь деталям его обобщенные портреты за изображение реальных лиц, о которых им было известно нечто подобное рассказанному в «Адской почте». Об этом явлении, относящемся к типологии восприятия сатиры, говорилось в последнем (№ 112) письме бесов к издателю (XII, 370).

Сделанные выводы имеют значение и для решения загадки августовской книжки «Адской почты». Этот номер представляет в некотором роде библиографическую редкость, отсутствуя в ряде дошедших до настоящего времени комплектов; не был он упомянут в объявлении 1770 г. о продаже всех выпусков журнала,[56] а в переизданиях 1788 и 1791 гг. из него нет ни одной перепечатки. На основании этих фактов было высказано предположение, согласно которому книжка «либо была вовсе уничтожена <...> либо подверглась запрещению», не снятому и двадцатью годами позже вследствие особой криминальности материала, «безобидного на наш взгляд и криминального в условиях 1769 г.».[57] Уничтожения, как явствует из архивных сведений, не проводилось: 486 экземпляров выпуска хранились в типографии Морского корпуса еще в 1773 г. (СК, т. 4, с. 116, № 126). Гипотеза о запрещении противоречит тому факту, что в должное время было сообщено в газете о поступлении августовского выпуска в продажу и он упоминался в объявлениях всех следующих месяцев 1769 г.[58] Не согласуется гипотеза и с содержанием номера, если его рассмотреть в соотнесении с французским источником.

Именно в августовской книжке наиболее высок процент заимствованного у Ленобля материала, и потому наименее вероятны неулавливаемые нами за давностью времени «криминальные» аллюзии. В письме № 20 обсуждается система Коперника, но заключение было вполне приемлемо с точки зрения ортодок-

---

[56] Санктпетербургские ведомости, 1770, 8 октября, № 81.

[57] Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 260; Шамрай Д. Д. К истории цензурного режима Екатерины II. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958, с. 200—203.

[58] См.: Санктпетербургские ведомости, 1769, 31 июля, № 61; 7 августа, № 63, прибавление; 4 сентября, № 71; 15 сентября, № 74; 9 октября, № 81; 4 декабря, № 97; 8 декабря, № 98; 15 декабря, № 100.